

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Мастер
жестокости

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Мастер жестокости / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-175627-7

Ректор Академии МВД передал сыщикам Гурову и Крячко оригинальную кожаную ключницу с приметным рисунком. Он утверждал, что рисунок на ключнице — это фрагмент татуированной кожи с руки его недавно пропавшего сына... Неужели кто-то занимается подобным кровавым бизнесом? Сыщики устанавливают адрес некоего мастера, предлагающего похожие услуги, и делают контрольный заказ. То, что открылось им потом, поразило бывалых оперативников своей невиданной жестокостью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175627-7

© Макеев А.В., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

В лабиринтах хитровских трущоб царили сумерки, сырость и мертвая тишина. Куда запропала вся шваль, которая испокон веку жила и процветала тут? Подозрительная тишь.

Квартал оцеплен милицией вот уже вторые сутки, о предстоящей облаве заранее пустили слух по всем ночлежкам, притонам, малинам. Мол, не волнуйтесь, граждане уголовники, всех выпускают — никого не впускают. Кое-кто воспользовался возможностью уйти и свалил, но этих, которых выпустили, мало, очень мало.

«Не может такого быть, чтобы это были все! Однако вот прочесываем, обнюхиваем все углы, шатаемся по всем помещениям — пусто, никого!»

Крысы, тараканы и прочие безобидные твари, разумеется, не в счет. Они-то не в состоянии до такой степени испоганить все вокруг, как испоганили люди. Под ногами чавкало, с потолка свисали мерзкие седые сопли, ветер, проникающий сквозь окна, заткнутые одеялами и газетами, спешил покинуть вонючее помещение. Какие-то твари с урчанием располза-

лись по углам, подвывая, шелестели человекообразные тени.

Вот, держа наган наготове, проклиная лед, намерзший на полах тяжелой шинели, народный следователь Мария Арапова пробирается вдоль осклизлой кирпичной стены, по узкому переулку между доходными домами Румянцева и Псакиса.

Отовсюду несло гнилью, водкой, капустой, испражнениями и... порохом?

Бесспорно, новая струя запаха — это сгоревший порох.

Мария, как ищейка, сделала крюк, принялась, подняла голову — точно, вот они, пропащие! Вверху, там, где под блеклым небом почти сходились крыши ночлежек, замелькали тени, пронесся быстрый шепоток, слышались шорохи, скрежет, топот по черепице.

«На крыше они, на крыше!» — хотела крикнуть Маша, но тут впереди, как в прицеле, замаячила знакомая черная фигура.

Нелепая, корявая, перекошенная, припадающая на одну ногу, она слепо тыкалась из стороны в сторону, шарила ладонями по кирпичам, точно пытаясь нащупать выход в сплошной стене.

Мария прицелилась, опустила оружие, со злостью куснула руку, чтобы не дрожала. Снова аккуратно, как на занятиях по стрельбе, подняла наган, поймала в прицел тень, мечущуюся по длинному проходу. Приказала:

— Сапог, стоять! Руки вверх!

И в этот момент сзади грохнул выстрел, другой, третий. Будто что-то разорвалось в левой стороне груди, под лопаткой, по телу полоснуло горячее, раскаленное лезвие.

— Мамочки, как больно, — прошептала она, оседая на снег.

Перед потемневшим взором завертелись крыши, небо свернулось в воронку, властно за-тягивая Марию в никуда, в пустоту...

— Прекратить отсебятину! — взвизгнул кто-то таким голосом, словно провел железом по стеклу. — Перерыв! Да откопайте же ее!

— Вообще, это было подло и непрофессионально, — как могла, деликатно заметила Мария.

Голова гудела, половина лица не ощущалась вовсе, пострадавшее ухо ничего не слышало.

— Почему бы не напомнить про беруши? Понимаю, новичок, но...

— Простите, честное слово, не знаю, как получилось! — с глупой улыбкой каялся пиротехник, выковыривая из изрешеченной шинели подсадки, имитирующие попадание пули. — Не обижайтесь, я же не специально.

— Еще бы специально.

— Зато смотрите, как кучно прошли, аккурат под сердце!

— Спасибо, — по-прежнему сдержанно произнесла Мария, прижимая компресс к пострадавшему уху.

«Конечно, он же пиротехник, у него, не иначе, ежедневно по десять сотрясений мозга.

Вряд ли у этого глупца что-то там осталось, за его чугунным лбом. Mamочки, как больно...»

— Я ж так старался, чтобы все красиво сделать. Правда натурально получилось?

— Весьма, — съязвила врач, показывая Марии жестами, что надо пошире раскрыть рот.

Та огрызнулась:

— Да слышу я! Одним ухом.

Врач, не обращая внимания на грубость, продолжала:

— Только ты ее чуть, натурально, не угробил. На больничный пойдет недели на три, не меньше, это если без госпитализации обойдемся.

— Никаких больничных! — снова встрял визгливый голос.

Ах да. Юное дарование. Соловьев, старый добрый режиссер, слег с инфарктом, и вместо него рулил процессом съемок невыносимый субъект, ходячая пропаганда радужного движения. У этого сокровища имелось особое мнение по любому поводу, в том числе относительно всех видов революций. Особенно в той части, что касалось тотального уничтожения всего, что принято считать нормальным.

Вот и сейчас он, хлопая нарощенными ресницами, пищит, возмущая вселенную и окружающих своей аномальностью:

— У нас план, съемочный процесс и бюджет! А если вы не в состоянии обеспечить соблюдение этих требований, то всегда найдутся могущие! Между нами, я вас, Мария, по-прежнему в этой роли не вижу. Дайте же мне Ара-

пову! Дайте мне inferно, сияющую молнию, Дзержинского в юбке! Рожденную революцией, черт подери, а не гламурную феечку! Неталантливо!

— А тебе все, что без кожаных трусов и не мужик, неталантливо, — чуть слышно пробормотала врач.

Мария, не сдержавшись, прыснула и тотчас зашипела от боли.

— Тихо-тихо. Только не напрягайся. Давай-ка прямо сейчас в клинику, а если этот, мать его, фей попробует хвост поднять — настучу на него в профсоюз. Совсем опух, людей живьем убивать.

Дома Мария продолжала переживать.

— Наверное, он в чем-то прав, — говорила она мужу, прижимаясь компрессом к дивану и прикрывая глаза. Голова гудела, как котел. — Ну, в самом деле, какой из меня следовательно? Зря только вышла из своего ампула.

— Ты разноплановая актриса и не по своему хотению вышла. Соловьев сказал, что Маша Арапова отличная и другую он в этой роли не видит, — напомнил Лев Иванович, преподнося расстроенной супруге чай и обнимая ее. — А раз мэтр сказал, этому дециметру помалкивать бы в тряпочку.

Он ласково, как маленькую, погладил жену по голове — и с немалым удивлением увидел, что у Марии дрожат губы.

— Перестань! Что ты, в самом деле, распереживалась. Отдохнешь. Как раз к тому времени,

как выздоровеешь, поправится и нормальный режиссер. Все пойдет как по маслу.

— Мне уже сейчас не на что опереться. Должен быть какой-то смысл в фильме, а не бегание с наганом. К чему все это? Я не понимаю сути этого исторического процесса в кинокартине, — раздраженно ответила она.

— Суть того процесса многие современники не понимали, — успокоил супругу Гуров, — а теперь еще и историки. И потом, тебе же не суть надо изобразить, а процесс. Вот тут большего ума-то и не надо: выкатывай глаза, надуй щеки и божись именем революции. Да, и не забывай упоминать революционную же целесообразность и повстанческих подпольных черносотенцев.

Мария попыталась рассмеяться и снова застонала.

— Все, все, не буду больше, — пообещал Лев Иванович, хлопая себя ладонью по губам. — Не знаю, я не специалист, но мне лично роль твоя понравилась. Хотя в целом показалась необычной Мария в виде следователя Араповой. Кстати, кто это?

— Кто ж ее знает. Сценариста спроси.

— Нет, кто такие Араповы, я, конечно, помню. Целая эпоха, династия оперативников. Владимир Арапов маньяка Мосгаза брал. Если ничего не путаю, с ним один из Вайнеров служил, с него, говорят, и списал то ли Жеглова, то ли Шарапова, то ли обоих сразу. Ну а ты, наверное, его мама или тетя.

— Не знаю кто. Неважно, — по-прежнему раздраженно отрезала Мария, постукивая пальчиками по планшету. — Кому вообще нужны эти ностальгические движущиеся картинки. И ах ты, какие все честные, открытые, самоотверженные, Павка Корчагин и внуки! Один раз прокатят под седьмое ноября — и давай — до свидания!

— И из дерьма можно сделать конфетку, если человек с талантом, — авторитетно заявил муж. — Не переживай. Все будет хорошо. Просто пиротехник склеротик, у тебя теперь ухо болит. И этот старый хрыч Соловьев не вовремя вздумал хворать. И, кстати, о хрычах...

В этот момент запиликал телефон.

Старый генерал по привычке представился:

— Орлов.

— Слушаю вас внимательно, — отозвался Гуров.

— Лева, с утраца завтра загляни ко мне, по архиважному делу.

Полковника передернуло от этого «архи». Вспомнились студенческие годы и преподаватель, частенько именно так говоривший.

— По какому-какому? — переспросил он, ежась.

— Архи... — Тут уже сам Орлов поперхнулся, видимо, вспомнив вождя мирового пролетариата, употреблявшего слово «архиважно», и сказал раздраженно, но проще: — Короче, важному. У меня все.

Лев Иванович отложил телефон, походил по комнате, держа руки за спиной, и задумчиво протянул:

— Кстати, о хрычах, господа...

— Гуров, если ты не перестанешь меня смешить, у меня ухо взорвется, — предупредила Мария.

— Извини, пожалуйста. Чудно, генерал хочет меня видеть по одному архиважному делу. Точь-в-точь так выражался не только вождь мировой революции, но и еще один хрыч, исключительной поганости.

— Еще один хрыч. А первый, стало быть... Орлов. А ну как доложу генералу, как ты его за глаза зовешь, — пообещала супруга.

— Не сдашь же ты собственного мужа. И потом, я с любовью и уважением называю. Хрыч разный попадается, — заметил Гуров солидно и со знанием дела. — Тот, второй, о котором лично я говорю, был хрыч еще тот. Пробы ставить негде. На его счету не одна цистерна выпитой крови студентов.

— Ну, понеслось. Давай без студенческих триллеров, — попросила Мария, морщась. — Все преподы во всех вузах одинаковые. Ты ведь с моими наставниками не был знаком.

Гуров, подумав, признал, что всех он действительно не знал, знал лишь тех, что видел на экране и сцене.

— Я почему не люблю фильмы про вампиров? Мне нашего пана Ректора хватило...

■

— Пана Ректора?

— Это был особый фрукт. Он перешел к нам из одного маленького психиатрического заочного юридического института, а потом в него же и вернулся. Этот пан Ректор руководил юринститутом, да так умело и до такой степени чутко, что педагогический состав поднял бунт. В этой связи он и укрылся в универе. За ним так и осталось прозвище пан Ректор. О, как он валил студентов! Это «Кармен», Бизе! Бой опытного тореадора с новорожденными телятами.

— Ну-ка?

Видя, что супруга увлеклась его рассказом и позабыла об огорчениях, Гуров почувствовал вдохновение.

— Рассказываешь все, что добросовестно выучил! О чем прочел от и до, курсовики самолично настрочил, о том, в чем считаешь себя сведущим. А этот... пардон. Ну или ногти чистит, или зевает, а на закуску обязательно выдает со скучающим видом: «Ну это все понятно...»

— Подлец, — искренне посочувствовала жена. — А дальше?

— Дальше в зависимости от настроения. Говорит банальное: «...и что из того?», или умное: «...а вот чем отличается система от совокупности?».

Мария, поразмышляв, спросила, к чему пан Ректор задавал последний вопрос. Гуров признался, что не знает, но отличия выучил наизусть, на всякий случай.

— Да, пожалуй, соглашусь, что до такой степени злобных преподав у меня не было, — заявила Мария. — Смотри, сколько лет прошло, а тебя до сих пор гложет.

— Ну что ты, я великодушен и не злопамятен.

— Ага. А про старого хрыча-то вспомнил?

— Так это по аналогии. Видишь ли, генерал один в один по-Ректорски сообщил, что жаждет меня видеть по «архиважному» делу. Еще бы «р» не выговаривал — точь-в-точь пан Ректор. Вот и навеяло.

— Он что, еще и картавил? — давясь от смеха, уточнила Мария.

— Да еще как, прямо по-ленински, — подтвердил Гуров и с облегчением подумал: «Ну слава богу, успокоилась».

Глава 2

Прибыв в управление и поднявшись на этаж, уже у кабинета Орлова Гуров обнаружил непривычно мрачного Крячко. Оказалось, что полковника тоже мучили воспоминания о пятне, омрачавшем его светлые студенческие времена. То есть о пане Ректоре.

— Всю ночь чертовщина снилась. Будто я в очередной раз в родной аудитории заваливаю у этого кровососа теорию государства и права, — признался Станислав, понизив голос, — нормально? А сколько лет-то прошло. С чего бы это?

— Как с чего. Генерал приглашал пошептаться по архиважному делу? — уточнил собрат Гуров.

— Точно. Вот с этого, значит, чертовщина и снилась.

Вскоре выяснилось, что зловещая тень пана Ректора была вызвана к жизни не только его любимым словом «архиважно»...

Верочка радушно распахнула дверь, но на этом испытываемые сыщиками положительные эмоции и закончились. Генерал был задумчив и мрачен, как туча, и долго собирался с мыслями, решая, с чего начать разговор. Эти приготовления ничего доброго не сулили.

Наконец, тяжело вздохнув, он полез в сейф и извлек коробку:

— Вот, смотрите, какая штукенция.

— Пальчики сняли? — пошутил Крячко, на что генерал сказал вполне серьезно, что сняли, равно как и пробы для экспертизы.

— Пробы-то зачем? — спросил Гуров несколько озадаченно.

— Вот как раз это пока тебя не касается. Неважно. Смотрите да рассматривайте. Даже можете потрогать, если есть желание.

Лев Иванович пожал плечами и послушно принялся рассматривать коробку. Она была клееная, покрытая качественным шпоном, нарочито грубо отполированным, на крышке красовалась выжженная стилизованная лите-ра «Д@». Внутри, в гнезде из древесной стружки, покоилась «штукенция» — продолговатая

ключница из кожи цвета густого красного вина. С первого взгляда видно, что сделано не в Китае, сработано на совесть, с исключительным изяществом. Благородно мерцали металлические детали, цепочка и клепки, точь-в-точь состаренное серебро. Но самое главное — это рисунок на ключнице, чуть выступающий над поверхностью. Крест, роза и готическая надпись: «Der Mutter die mich nie geboren», рисунок черно-белый, несмотря на отсутствие цветов, выглядел объемным, мастерски исполнен короткими, нервными штрихами, как на полотнах Ван Гога.

Станислав, повертев вещицу в руках, протянул:

— Красивая вещь. Мне бы такую на день угро. Если вот сюда монеток натолкать, то кистень получится.

— Не знаю, что там у тебя получится, — ворчливо заметил Орлов, постукивая карандашом, — и подарок не тебе. Один уважаемый человек уже получил эту вещь на День юриста, после чего угодил прямиком в реанимацию.

— Растрогался, — предположил Крячко. — Или вещь отравлена?

Гуров взял у коллеги вещицу, повертел, осмотрел со всех сторон, потянул носом:

— Ну что, интересно. В основе-то кожа толстая, судя по рыхлой и грубой структуре, скорее всего, крупный рогатый скот, бык.

■ — А картинка?

— А картинка на накладке, кожа накладки другая по фактуре, тонкая, и оттенок отличается. Красиво, но быстро вытрется. Жалко.

Генерал усмехнулся:

— Не вытрется. Набито на совесть.

— Да, странно, это не рисунок на поверхности и не тиснение. — Гуров постучал пальцем по надписи. — А что сия надпись значит?

— Я в последнее время по-немецки не говорю, — посетовал Крячко. — Возможно, вот Вера знает.

Верочка, которая стояла рядом с генералом, держа папки с документами и стакан чая, немедленно отозвалась:

— Разумеется, знаю. Еще бы не знать. «Матери, которая меня не родила».

Крячко поперхнулся.

— Ничего себе, пошутил.

— Верочка, ты, оказывается, полиглот, — с уважением заметил Лев Иванович.

Вера сморщила носик:

— Да бросьте. Ерунда. Младший племянник замаял своим «Раммштайном», к тому же учит немецкий. Вот кое-что и запомнила.

— Вот оно что...

Орлов, хмыкнув, быстро проставил подписи на документах и отправил Верочку обратно в приемную. Подождав, пока секретарь плотно прикроет за собой дверь, Лев Иванович продолжил:

— Ну, хорошо. Пока не понимаю, чем такой милый, пусть и непрактичный, подарок может

привести в реанимацию, тем более отца, а не мать.

— И что за архиважное дело нам с вами следовало обсудить? — осведомился Крячко.

Генерал потер лицо, собираясь с мыслями.

— Да вот, собственно, по поводу этой ключницы. Ситуация, знаете ли, складывается не красивая и скользкая... — Он замолчал.

Стремясь ускорить мыслительный процесс генерала, Крячко задал наводящий вопрос:

— Ситуация со Счастливым? С паном Ректором?

Генерал дернул бровями:

— В общем, да, с ним. Вы же у него оба учились?

— Я так и знал, — сокрушенно произнес Станислав.

— И я, — вставил Гуров.

— Недаром всю ночь библиотека снилась.

— Какая библиотека, что ты городишь? — недовольно спросил Орлов.

— Большая. В основном книги Достоевского, и особенно «Бесы».

— Ладно вам. Не надо нагнетать обстановку. Вот вы передо мной, здоровые, румяные, с высшим образованием и в чинах, а ваш наставник...

Станислав открыл было рот, но генерал сделал знак, и возражений не последовало.

— В любом случае ситуация такова: третьего декабря, получив эту вещицу в подарок, пан Ректор загремел в реанимацию. В настоящее время

Олег Емельянович пребывает в кардиоцентре, в Бакулевке. Его откачали и перевели из реанимации в палату. Состояние пусть и стабильное, но тяжелое. Так вот, он очень просит вас, цитирую: «дорогих мальчиков», навестить его.

Станислав с надеждой осведомился:

— Нельзя ли в письменной форме передать, что мы ему все прощаем? И другие тоже, уверен. Мы, правоведы, народ великодушный.

— Я подписываюсь, — поддержал Лев Иванович.

Генерал с укоризной напомнил:

— Слушайте, не за горами Новый год, Рождество, полагается раздавать подарки, излучать радость и свет. Съездите, сделайте доброе дело, чтобы на старости лет совесть не заела.

— Кого? — требовательно спросил Крячко.

— Вас. Ну и меня. И потом, не забывайте: Олег Емельянович не абы кто, а руководство одного из ведущих вузов страны. Выпустил не одно поколение правоведов, готовит кадры и для нас, причем в основном. И насчет диссертаций тоже, того...

— Есть, — кивнул Гуров. — Штукенцию можно взять или лучше сфотографировать?

— Да, забирайте.

Уже на пороге Станислав уточнил насчет пальчиков, не нашлись ли на коробочке.

— Ничего особенного. Отпечатков пальцев взрослых нет, возможно стерты, только какой-то ребяенок залапал. Наверное, домой рабоченку эксперты таскали, неряхи.

Чтобы не стоять в пробках и не тратить зря время, поехали на метро, и всю дорогу до Бакулевки Крячко предавался недостойному занятию, то есть вспоминал старые обиды:

— Вот умеет генерал уговаривать. «Сделайте доброе дело», «совесть, ум, честь». Сказал бы прямо: не поедете — пан Ректор назло с того света вернется сожрать наших студентов. А заодно и соискателей заперет.

— Ясное дело, — согласился Лев Иванович.

— Сколько раз тебя этот аспид на переэкзаменовку отправлял?

— Да был казус. Как только пан Ректор из вашего института к нам в универ перешел, он был очень зол. Он прямо сказал, что пятерки таким, как я, не ставит. Чем я ему не потрафил — не ведаю. Я пересдал, правда, уже после того, как он вернулся к вам.

— Во, а на нас он ездил, как панночка на Хоме Бруте, — угрюмо сообщил Крячко. — По-подленькому. Сам понимаешь — вечернее отделение, да еще если уже на следствии трудишься, ну какие тут семинары-лекции? Нет-нет да пропустишь что-то и не особо паришься по этому поводу. Ведь повсюду только и разговоров: юные специалисты, вечерники-практики — это наше все. Ну а как до дела доходит, что ты! Меня он чуть не вышиб за прогулы, только представь себе. А как-то раз еще и за опоздание.